

**РАДИКАЛЬНАЯ РЕКОНФИГУРАЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКА
КУЛЬТУРЫ «СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ»**

RADICAL RECONFIGURATION OF THE LANGUAGE CULTURE «TODAY»

**“GÜNÜMÜZ” KÜLTÜR DİLİNİN İNCELEMESİNDE RADİKAL ŞEKİL
DEĞİŞİMİ**

Prof. Dr. Natalia KHALINA*

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает лингвистические проблемы, связанные с переосмыслением ценности языка как социоантропного феномена в эпоху дигитализации жизнедеятельности человека. Радикальная реконфигурация языка становится одной из примет современной реальности – реальности виртуальной, основным способом презентации которой становится цифровой язык.

Ключевые слова: язык культуры, реконфигурация, дигитализация, реальность, коннективность.

ÖZET

Makalede insanın hayat gidişatı döneminde sosyo-antropolojik olarak dilin anlam değişiminde meydana çıkan linguistik problemler tetkik edilmiştir. Dilin radikal olarak şekil değişimi günümüz yaşamının bir örneğidir. Virtüel gerçeğin esasını ise rakam dili oluşturmaktadır.

Anahtar Kelimeler: sanat dili, şekil değişim, dijitalizasyon, gerçek, konjektif

ABSTRACT

The author considers the linguistic problems associated with the re-interpretation of the value of language as socio-anthropic phenomenon in the age of digitalization of person's life. Radical reconfiguration of the language is one of the hallmarks of contemporary reality - virtual reality, the main method of presentation which is a digital language

Key words: the language of culture, reconfiguration, digitalization, reality, connectivity.

* Халина, Наталья Васильевна, д-р филол. наук, проф. каф. общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета, г. Барнаул;

Khalina, Natalia V., Dr. Philology Sciences, prof. Department. of General and Historical Linguistics, Altai State University, Barnaul, Russian Federation.

В. Беньямин определил рубеж XIX и XX вв. как начало эпохи технической воспроизводимости, в которую произведение искусства становится, из-за абсолютного преобладания его экспозиционной ценности, новым явлением с совершенно новыми функциями (Беньямин http://www.philol.msu.ru/forlit/pages/Biblioteka_Benjamin.htm). Эстетическая функция выделяется в качестве функции, которая впоследствии может быть признана сопутствующей. Техническая воспроизводимость произведения искусства изменяет отношение масс к искусству: для него становится характерным тесное сплетение зрительского удовольствия, сопереживания с позицией экспертной оценки. Подобное сплетение представляет собой важный социальный симптом: по мнению В. Беньямина, чем сильнее утрата социального значения какого-либо искусства, тем больше расходятся в публике критическая и гедонистическая установка; привычное потребляется без всякой критики, действительно новое критикуется с отвращением.

Критическая и гедонистическая установки совпадают в кино, при этом решающим является то обстоятельство, что в кино как нигде более реакция отдельного человека (сумма этих реакций составляет массовую реакцию публики) оказывается с самого начала обусловленной непосредственно предстоящим перерастанием в массовую реакцию. Проявление этой реакции оказывается одновременно самоконтролем публики. Кино становится инструментом тренировки рассеянного восприятия, что является симптомом глубокого преобразования восприятия. Оно, как полагает В. Беньямин, вытесняет культовое значение и тем, что помещает публику в оценивающую позицию, и тем, что эта оценивающая позиция в кино не требует внимания. Публика выступает в роли экзаменатора, но рассеянного.

Задачи, которые ставят перед человеческим восприятием переломные исторические эпохи (а именно к таким эпохам относятся 20-30-ые и 90-ые), как полагал французский философ и писатель, не могут быть решены на пути чистой оптики – созерцания; с ними можно справиться постепенно, через привыкание, на основе тактильного восприятия, а привыкнуть может и несобранный. Человек обретает способность решать некоторые задачи в расслабленном состоянии, следовательно, решение задач становится привычкой. Развлекательное, расслабляющее искусство (к нему причисляется и кино) незаметно проверяет, обладает ли человек в расслабленном состоянии способностью решать новые задачи восприятия. Единичный человек постоянно испытывает искушение избежать решения новых задач восприятия; лидирующую роль в этом случае начинает играть кино, призванное выхватить сложнейшие и важнейшие задачи для мобилизации масс.

Возможно, техническая воспроизводимость задает и направление познавательного процесса, ориентированного на состояние «здесь-и-сейчас», так называемого перформативного поворота, начало которому положила теория представления, разработанная, прежде всего, в исследованиях К. Бёрка, а затем В. Тёрнера, И.Гофмана, К. Гирца, антрополога М. Лериса, философа Дж. Остина, основателя советской семиотической школы Ю.М. Лотмана.

Уход от решения новых задач восприятия, возможность некоторые задачи, равно проблемы, решать в расслабленном состоянии неизбежно влияет на манеру и технологию использования языковых средств для поддержания коммуникации и параметров среды общительности.

Представитель американской школы критического анализа языка (Йельская школа) Пол де Ман разграничивает перформативный и когнитивный типы использования языка (Ман, 2002: 245). Следствием признания этих типов использования языка становится возможность двойной перспективы чтения в контексте смыслообразующей интенциональности и иллюкутивного единства речевого действия. Если речевое действие, обусловленное реализацией перформативного типа использования языка, поддерживает в большей степени функциональный регистр общества *publicrelations*, то смыслообразующая интенциональность, связанная с когнитивным типом использования языка, соотносится при осуществлении современных коммуникационных процессов с функциональным регистром общества *knowledgemanagement* (управление знаниями).

Понятие «управление знаниями» появилось в середине 90-х годов в крупных корпорациях, где проблемы обработки информации стали критическими. Оказалось, что основное узкое место в их деятельности – это обработка накопленных специалистами компании знаний (именно такие знания обеспечивают ей преимущество перед конкурентами). Сделано было два важных наблюдения: а) знание, которое не используется и не возрастает, в конечном счете, устаревает и становится бесполезным; б) знание, которое распространяется, приобретает и обменивается, генерирует новое знание.

Питер Ф. Друкер (Друкер, 2001: 116) полагает, что в области технологий управления знанием собственно под знанием следует понимать неформализуемое представление конкретного человека о явлениях и закономерностях окружающей среды, полученное им в процессе приспособления к ней. К знаниям относится непосредственный (личный) опыт, владение методиками (прикладная наука, технология), знакомство с научными основами (теория) и результаты познавательной активности (поиск, чтение, раздумья, систематические занятия / тренировки и т.д.)

Собственно управление знаниями, по мнению, П. Друкера, – выдумка американских рекламистов, руководствующихся иллюзией, что знаниями (ментальная категория) можно оперировать с использованием компьютеров. П. Друкер считает, что при рассмотрении особенностей управления знаниями уместно говорить о нем только как о процессе извлечения, документирования, визуализации и доступа к знаниям. Корректное практическое разрешение проблемы адекватного выражения мысли и понимания текста обеспечивается применением подготовленным персоналом комплекса прикладных методов извлечения знаний из текстов определенного состава.

Т. Гаврилова, исследуя проблему технологии извлечения знания, выделяет три основных аспекта процесса извлечения знаний (психологический, лингвистический, гносеологический) и три слоя лингвистических проблем (формирование «общего кода»; построение понятийной структуры; создание словаря пользователя) (Гаврилова// http://www.hr_portal.ru/article/izvelechenie-znaniy-lingvisticheskii-aspekt).

Лингвистические проблемы, мотивированные технологиями извлечения знаний, связаны и с пересмыслением ценности языка как социальноантропного феномена в эпоху дигитализации жизнедеятельности человечества.

Радикальная реконфигурация языка, как полагает М. Постер, становится одной из примет современной реальности – реальности виртуальной, основным способом

презентации которой становится цифровой язык, регулируемый бинарной логикой (Poster, 1990: 125). Совершенно иначе дело обстоит с цифровым сигналом, который основан на конверсии – преобразовании, переводе в другой формат. Данные хранятся не в конкретном объекте (на холсте, в перепечатке, фотографии, видеофильме), а в формальных, абстрактных отношениях, поскольку физические количества данных переводятся в числа. Здесь главное не хранение сигнала на некоем носителе, а концептуальное конструирование данных в числовом выражении, которое переводит количество света (цвета, звука, движения) просто в количество, которое затем может быть трансформировано как угодно, включая возможность в любой момент отменять трансформации. Более актуальным для обеспечения коммуникации и общительности сред коммуникации становится не естественный язык, а язык искусственный.

Д.В. Галкин обращает внимание на то, что искусственный язык одновременно является особой бинарной логикой, оперирующей только двумя кодами -1 и 0 (Галкин <http://huminf.tsuru/e-jurnal/magazine/2/galkin.htm>). Его особенность поэтому еще и в том, что он в дискретной бинарной размерности представляет элементарные идеи, а затем может их произвольно комбинировать. Таким образом, управление знаниями меняет не только подход к языку, но и его социальную функцию: более актуален не-естественный язык, поскольку он представляет собой не только средство, обеспечивающее коннективность субъектов в среде общительности, но и логику построения мысли, т.е. связи, в своем роде объективирующей эту среду общительности.

Бинарная логика более чем формальна, поскольку даже не устанавливает простейшей логической связи. В качестве свойств бинарной логики Д.В. Галкин определяет следующие: а) абсолютно бессодержательна и пуста, однако приложима к любому содержанию как его носитель; б) как бы метадискурсивна, поскольку отчуждена от повседневных дискурсов; в) в принципе упраздняет дистанцию между означающим и означаемым; г) дает возможность человеку уподобить свое знание всеведущему божественному взгляду с небес и стремится оперировать божественным интеллектом. Одна из самых значительных перспектив, открываемых бинарной логикой, считает Хейм, связана с нелинейным доступом сразу ко всем/любым данным, что сопоставимо с прыжком (а не шаг и не логический переход) через пространство со скоростью света (Heim, 1998: 167).

Принципиальным свойством бинарной логики, определяющим характер коммуникации человека в общающихся средах, является свойство упразднения дистанции между означающим и означаемым, т.е. ценностным и незначимым, истинным и не-истинным, реальным и ирреальным. Бинарный характер логики обуславливает и два типа использования языка: перформативный – преимущественно в виртуальной реальности, когнитивный – в повседневной реальности, а также два типа дифференциации общества – когнитивный дискурс и виртуальный дискурс.

Дихотомия «язык – речь», дифференцирующая графическую статику знаковой системы языка и динамику алфавита человеческой мысли, более не актуальна, социально значима дихотомия «язык – коммуникация», утверждающая активность и ценностность системы связей и отношений, а не того и тех, кто мотивирует возникновение этой системы. Имеет место парадоксальное явление: тот, кто производит связь, более не контролирует ее «жизнедеятельность», напротив,

становится практически полностью зависим от нее, будучи «точкой ее приложения». Отсюда изменение функционального и социального статуса языка, а также перечня тех дисциплин, которые должны описывать его. Полагаем, что к числу подобных дисциплин может быть отнесена *коннективистика*, исследующая перформативный и когнитивный типы использования языка языковым сообществом. В ней развиваются идеи Женевской семантической школы, идейным вдохновителем которой был Ф. де Соссюр, продуктивные в условиях информационного общества и соотносимого с ним виртуального дискурса и виртуального реализма.

Интенции общесоциальной ситуации, детерминировавшей концептуальный каркас Женевской семантической школы, более созвучны идеям критического реализма, впоследствии ставшего производящей базой для критического анализа философского дискурса, инициированного Ж. Дерридой. Виртуальный реализм предопределяет необходимость анализа сущностного (вещественного) состава феномена связи, вычленной как самостоятельная социальная сущность в теории связи (коммуникации) К. Шеннона.

М. Якобсон обрисовывает свойства виртуального реализма, анализируя концепцию Хейма: «In his third book, Heim decided to address the problem of the growing divide. In Virtual Realism he develops the idea of a middle path between the utopian network idealists and the reactionary naive realists. In the book Heim describes five aspects of the virtual middle ground. These five aspects are (1) clarifying the language of virtual reality, (2) creating a feed-back loop between the engineers of virtual reality and the public, (3) observing current shifts in telepresence, (4) cultivating premodern somatic awareness through the practice of Tai Chi and (5) developing appropriate design models for virtual worlds (Heim, 1998:1, p. 46; 1998:2). This paper will focus on the fifth aspect of creating the virtual middle ground to see what virtual realism implies to virtual world design. of us (Jakobssonhttp://www.mheim.com/files/virtual_realist_primer.pdf).

М. Якобсон говорит о четырех уроках виртуального реализма, выводы относительно которых, он делает, исследуя концепцию М. Хейма: 1) теханализ; 2) приобретение привычки; 3) сущность (существо); 4) субстанция (вещество, материя, реальная действительность). Теханализ связывается автором со становлением методов, необходимых для исследования виртуальных миров и их потенциальной структуры. Философские истоки концепции Хейма берут начало от феноменологической традиции Гуссерля и ее развития в работах Хайдеггера. Феноменология призвана описать структуры опыта в их представленности нашему сознанию. Хайдеггер подчеркивал, что феноменология далеко продвинулась вперед в изучении, обыденного, каждодневного опыта. В работе «Бытие и время» Хайдеггер постарался описать то, что он называет структурой обыденности или бытие-в-мире. Что касается приобретения привычки, то М. Якобсон замечает, что реальность постигается (достигается) не техническим совершенствованием систем. Виртуальные миры становятся реальностью для нас через привыкание к ним, также как реальность физического мира есть результат нашего обитания в нем. В «Метафизике виртуальной реальности» Хейм предлагает перечень понятий, связанных с сущностью виртуальной реальности: имитация, интеракция, искусственность, погружение, телеприсутствие, полное погружение, сетевые коммуникации, активность/пассивность, манипуляция/восприимчивость, отдаленное присутствие, расширенная реальность.

Интерпретация сущности при понимании виртуальных миров основывается на истолковании мира контекста вовлечений М. Хайдеггера, развивающем понимание сущности в современной философии. В современной философии субъектно-объектная дихотомия рассматривается в таком контексте, в котором субстанциональные сущности и психологические субъекты могут появляться. М. Якобсон приходит к выводу, что опираясь на идеи традиционной архитектуры, мы обнаруживаем вещественность миров в ее структурных (строительных) блоках. Но поскольку материал физических построек (строений) играет существенную роль в конструкциях физической среды, попытки воспроизвести эти материалы в виртуальных средах ведут только к конструированию фундаментально пустого (полого) фасада, который более пленяет участников, чем делает их свободными. Хорошая виртуальная среда должна быть не сама по себе хорошей, но быть подобранной для активности пользователя.

Уровни виртуального реализма, рассмотренные М. Якобсоном, оказывают определяющее влияние и на процессы естественной коммуникации, правла текстопорождения и использования лингвистического знака. Среда коммуникации человека в информационном обществе моделируется операциями над множествами лингвистических знаков, их формой и семантическим наполнением. Подобные операции обретают статус грамматики дискурсивно-дифференцированного общества.

Предпосылки для модификации грамматической составляющей эпистемической деятельности человека, осуществляющего коммуникацию в физических (не виртуальных) средах, были заложены в семиологической концепции Ф. де Соссюра [Соссюр, 2006]. В переложениях идей ученого можно обнаружить нейтрализацию грамматической составляющей научного знания, ответственной за оформление упорядоченных отношений между содержаниями мира, спроецированными в языковую форму. Грамматика как составляющая системы объяснения мыслимых связей мира физического была нацелена прежде всего на изучение отношений диахронических, фундировала идею «непрерывности» существования формы лингвистического знака и осознания ее как стабилизирующей границы, гарантирующей узнаваемость языка при его развитии и взаимодействии с другими системами коммуникации. В семиологической концепции Ф. де Соссюра тривиум «форма – эйдос – связь» оказался преобразованным в бинум «эйдос – связь», или «означающее – означающее». В качестве означаемого, в таком случае, выступает эйдос, та самая «внутренняя форма» в интерпретации В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1984: 265), а означающего – «синапс», или специализированный функциональный контакт между получающим сигнал-информацию мозгом человека и языком как потенциалом или горизонтом возможностей повседневности. Как следствие, изменяется представление о языке: становится возможным иное истолкование языка, о котором говорит Н. Луман (Луман, 2004: 143): язык – это фон или горизонт, своего рода пространство, которое само по себе не способно принимать никакую конфигурацию, пока в нем не «проступит» форма. Активатором этой формы становится рефлексивное человеческое сознание, что, в свою очередь, и обосновывает утверждения Ф. де Соссюра о дальнейшем продвижении языкознания в сторону психологии. Отсюда утрата необходимости в пристальном внимании к грамматической форме, грамматическому значению, грамматической связи в предложении, более значимо установление связи и предложения, и его компонентов

с внешней средой, то есть процедура означивания и наблюдение за «проступанием» означающего.

Будучи горизонтом, неким формально-семантическим резервуаром, обеспечивающим деривационный потенциал личности по преобразовании среды физической в виртуальную, и наоборот, язык обретает новые свойства-функции в преобразующихся системах коммуникаций. На это обращает внимание Н. Луман, поясняя существо языка как социального феномена в современности сегодняшнего дня:

1) язык как таковой представляет собой пассивный принцип или своего рода материал или вещество (hyle), приобретающее очертания благодаря тем или иным специфическим (прекрасным, возвышенным и т.д.) выражениям;

2) язык как абстрактная тотальность, как медиум, безразличный к своим формам, напротив, допускает лишь одну-единственную кодировку: код отрицания, т.е. выбор между принятием и отклонением предложенного смысла.

Именно эти свойства языка соответствуют запросам дискурсивно-дифференцированного общества, предъявляющего новые требования к языку человека, и как структурному элементу инфокоммуникационного пространства – пространству связей.

Понятие коммуникации и языка, смысла коммуникации известный современный немецкий социолог Н. Луман связывает с границами системы, которые, с одной стороны, влияют на процессы коммуникации системы с окружающей средой, с другой стороны, сами определяются в процессе этой коммуникации (Луман, 2004: 243). Тем самым функционирование социальной системы отождествляется с жизнедеятельностью живой системы – системы аутопоэтической, истолковываемой как сеть процессов производства компонент, создающих саму эту сеть. Результатом функционирования сети является ее аутопоэтическая организация.

«В живых системах, то есть в аутопойэтической организации молекул в пространстве, – замечает Н. Луман, – еще можно говорить о пространственных границах. Ведь границами здесь являются особые органы системы (мембраны клетки, кожа организмов), которые выполняют специфические функции ограждения и избирательного посредничества в процессах обмена. Эта форма границы (которая, естественно, видна лишь внешнему наблюдателю и просто живет в системах) исчезает в тех системах, которые оперируют в медиуме смысла. Такие системы вообще не ограничены в пространстве, но обладают совершенной иной, а именно, чисто внутренней формой границы. Это относится уже к сознанию, которое именно этим и отличается от мозга и лишь так способно «экстернализировать» нейрофизиологическое самонаблюдение организма. И, тем более, это важно для коммуникационной системы общества, что становится очевидным, начиная с изобретения письменности или, самое позднее, со времени изобретения телефона. Граница этой системы воспроизводится в каждой отдельной коммуникации благодаря тому, что коммуникация определяет себя как коммуникацию в сети собственных системных операций, и при этом она ни в коем случае не вбирает в себя никаких психических, химических или нейрофизиологических компонент. Другими словами, каждая операция способствует непрерывной отдифференциации системы и не может обрести свое собственное единство каким-то другим способом. Граница

системы есть не что иное, как вид и конкретность тех операций системы, которые ее индивидуализируют. Граница – это форма системы, другая сторона которой становится, тем самым, окружающим миром» (Луман, 2004 : 77-78).

В качестве границ социальной системы, по мнению Н. Лумана, выступают специфические языки или способы кодирования разного рода коммуникаций (Луман, 2004: 354), т.е. языки – это то, что придает форму социальной системе. По линии «языков» проходит дифференция дискурсивно организованного общества; в местах прохождения условной демаркационной линии восприятие и понимание действительности пользователем языка модифицируется, поскольку он располагает текстами средств массовой информации в «облаке ассоциативного размывания» (Редозубов <http://adoutbrain.ru>), в котором активируются понятия ассоциативно связанные с социально значимыми событиями истории. Способы кодирования коммуникаций участвуют в накоплении символического капитала, понятия введенного П. Бурдьё, тождественного по своей сути понятиям виртуальной реальности и гиперреальности.

Наиболее интересно для нас понятие символического капитала, толкуемого П. Бурдьё в качестве набора кодов деятельности, базирующегося практически на любом виде ресурса (экономическом, научном, административном).

Условием достижения цели, по словам П. Бурдьё, становится преломление устойчивых представлений через когнитивные схемы, символические трансфигурации (Бурдьё, 2007). Обладающий символическим капиталом может и придавать действительности признак упорядоченности, производя «правду», совмещающую в себе переживание таких абстракций, как порядок, справедливость, истинность. Символический капитал, как полагают авторы, можно рассматривать в качестве результата действия семиотических механизмов культуры, производящих виртуальную реальность, мимикрирующую под реальность.

Таким образом, облако ассоциативного размывания формируется в области взаимодействия понятийных множеств, представляющих семантическое наполнение экономического, научного, административного ресурсов и задающих «модель» переживания социально-семиотических категорий, определяющих аксиологию общества. Художественный и государственно-политический тексты дополняют друг друга, создавая пакетное представление мысли, которое А.А. Редозубов, именуется языком мозга (Редозубов <http://adoutbrain.ru>). Подобный язык позволяет объяснить, каким образом корректно отображать мысль в системе, где есть понятия, которые могут быть активны и неактивны, нет возможности передавать смысл через «правила построения фразы», и где понятия нельзя использовать многократно внутри одной фразы. Понятие не только входит в предложение, но и показывает степень выраженности обобщения в мысли, которую это предложение описывает; одно и то же понятие может встречаться в разных простых предложениях с различной степенью выраженности. Параллельность состояний позволяет понять то, как в текущем состоянии памяти кодируются образы объектов и информация об их взаимном расположении и взаимодействии. Соответственно, язык мозга, будучи специфическим языком, также принимает участие в дискурсивной дифференциации общества и конструировании формы общества. Причем последнее осуществляется в облаке ассоциативного размывания, что предполагает разработку особого подхода к

изучению изменяющихся состояний общества, отождествимого, в подобном случае, с живой системой.

Для рассмотрения современного общества, таким образом, наиболее актуальной признается концепция автопоэзиса, по замечанию И.Е. Москалева (Москалев, 2002), ориентированная на исследование операционально замкнутых, самовоспроизводящихся систем. Авторами концепции автопоэза являются чилийские нейробиологи Умберто Матурано и Франциско Варела, совместно разработавшие теорию утверждающую, что существенной особенностью живых систем является автопоэзис – самопроизводство системой компонент, реализующих её организацию (её окончательную процессуальную конфигурацию) (Витакер <http://filosfak.ru.витакер-р-обзор-основных-понятий-теор/>). При таких условиях живой системой признается любая система, осуществляющая автопоэзис в физическом пространстве.

Опираясь на рассуждения Матураны (Maturana, Varela, 1980: 246), Р. Витакер заключает, что термин «автопоэзис» (аутопойэзис) был создан примерно в 1972 на основе греческих слов auto (сам-) и poiesis (создание; производство). Формальное определение концепции автопоэза дает Ф. Варела в своей работе 1979 г.: «Автопоэтическая система организована (определена как единство) как сеть процессов производства (трансформации и разрушения), состоящая из компонентов производящих компоненты: 1) которые, взаимодействуя и изменяясь, регенерируют и реализуют сеть процессов (отношений) производящих их; и 2) конституирующие его (машину) как некое единство в пространстве, в котором они [компоненты] существуют, задавая топологическую область своих реализаций как такой сети» (Varela, 1979 : 13).

Развитие идей У. Матураны и Ф. Варелы обнаруживает себя в новом системно-автопоэтическом взгляде на общество Н. Лумана, который создает теорию социальных систем в коммуникативном измерении, привлекая еще и теорию Дж. Спенсера-Брауна. Н. Луман приходит к выводу, что система и окружающая среда не существуют как некая данность, а возникают в результате операций различения, проводимых наблюдателем. Именно наблюдатель представляет собой ключевую идеологему автопоэтической теории: «Наблюдатель является ... живой системой, которая производит различения и определяет то, что было различено как единство, как сущность, отличная от него или неё, и может быть использована для манипуляций или описаний во взаимодействиях с другими наблюдателями» [Maturana, 1978 : 29-49]. Именно поэтому следует особое внимание обращать на язык мозга как специфический язык, участвующий в придании определенности форме общества и силу, воздействующую на его организацию и реорганизацию.

Сам процесс наблюдения рассматривается одновременно и в качестве основной точки отсчёта, и наиболее фундаментального вопроса любой попытки понять реальность и причину как феномены человеческой сферы (Maturana, 1988: 327).

Основной операцией наблюдения является различение – «указание на единство через произведение операции, которая определяет его границы и выделяет его из фона» (Maturana, 1975: 325). Через рекурсивное разделение сущностей, через действие наблюдатель «способен оперировать как внешний, отдельный от обстоятельств, в которых он обнаруживает себя» (Maturana, 1975: 315). Но

естественно наблюдатель не независим от этих обстоятельств, поскольку область, в которой он/она оперирует является её/его закрытой (взаимосвязанной) нервной системой. Множество контактов и закрытость нервной системы разрешает взаимодействия между своими собственными состояниями во время t_1 определить их состояния во времени t_2 . Данные циркулирующие взаимодействия приводят к «бесконечной рекурсии с продолжающимся изменением поведения»(Maturana, 1975 : 324).

Роль элементов системы должны выполнять самореферентные операции, образующие самовоспроизводящуюся (автопоэтическую) сеть, – коммуникации. Понятие «коммуникация» Н.Луман использует не в обыденном смысле, ассоциирующим его с процессом передачи некоторой информации, а выделяет три ее составляющие: информацию, сообщение и понимание (Луман, 2004: 234). В автопоэтической теории коммуникация лингвистическое взаимодействие становится способом взаимной ориентации взаимодействующих, что достаточно важно для определения границ стеснения анализа наблюдателем коммуникативных взаимодействий (Витакер <http://filosfak.ru>). Лингвистическое взаимодействие является местом встречи для действий, сцепляющим когнитивные области двух или более акторов. У.Матурана предпочитает обсуждать осуществление языка – действие противопоставленное «языку» (как символической схеме). Главной функцией лингвистического взаимодействия является не доставка «информационных квантов», но взаимная ориентация разговаривающих внутри согласованной области, осуществляемой благодаря их взаимодействию.

Итак, современное общество предстает как система, в качестве элементов которой выступают самореферентные операции – коммуникации. Коммуникации определяют себя как коммуникации в сети собственных системных операций, благодаря чему граница системы воспроизводится в каждой коммуникации. Способы кодирования разного рода коммуникаций, или специфические языки, являются границами социальной системы. Однако предпочтительнее говорить об осуществлении языка (символической схемы), или лингвистическом взаимодействии, главной функцией которого является взаимная ориентация разговаривающих внутри согласованной области.

Современное общество в работах Н. Лумана, как отмечает исследователь научного наследия известного немецкого социолога Ю.А. Антоновский [Антоновский, 2006], определяется как дискурс-дифференцированное общество, основной операцией производства и воспроизводства которого становится коммуникация.

«Система общества характеризуется, соответственно, не определенной «сущностью», не говоря уже об определенной морали (о распространении счастья, солидарности, о сходствах в условиях жизни, об интеграции на основе разумного консенсуса и т. д.), – ее характеризует та операция, в ходе которой производится и воспроизводится общество. И эта операция –коммуникация. Следовательно, под коммуникацией (как, в более, узком смысле, и под операцией) понимается некое протекающее конкретно-исторически, а значит, зависимое от контекста событие, а не просто применение регулятивов правильной речи. Для возникновения коммуникации необходимо, чтобы все задействованные лица были наделены знанием и незнанием... Коммуникация является аутопойетической операцией уже потому, что лишь она

только и продуцирует распределение знания и незнания – благодаря тому, что его изменяет» (Луман, 2004: 72-73).

Жизнедеятельность дискурс-дифференцированного общества поддерживается разграничением различных сфер его функционирования – дискурсов, тем самым обеспечивается его стабильность: противоречия в одном дискурсе не ведут к кризису и к необходимости преобразования всей системы, все исчерпывается «локальным» конфликтом. Главным принципом согласования различных сегментов современного общества, таким образом, становится дифференциация, в том числе, дифференциация «система-окружающий мир».

«Дифференция система/окружающий мир осуществляется два раза: как произведенное самой системой различие и как различие, наблюдаемое в этой системе. С помощью понятия «повторного входа» мы одновременно обращаемся к тем смелым выводам, которые Джордж Спенсер-Браун представил в рамках математического исчисления, ограниченного арифметикой и алгеброй. Система становится неисчислимой для самой себя. Она достигает состояния неопределенности, которое не может быть сведено к непредсказуемости воздействий извне (независимой переменной), а выводится из самой системы. Поэтому ей требуется память, некая «функция

Памяти» (memoryfunction), которая предоставляет в распоряжение системы

предшествующие селекции в виде актуально наличного состояния (причем свою роль здесь играют и эффекты забывания и воспоминания). И она вводит сама себя в состояние колебаний между позитивно и негативно оцениваемыми операциями, а также между само-референцией и ино-референцией. Она сама сталкивает себя с – для нее самой неопределенным – будущим, ради которого как бы накапливаются резервы приспособления к непредсказуемым состояниям. Результат такого повторного вхождения, очевидный для самой системы, в дальнейшем и будет обозначаться понятием «смысл» (Луман, 2004: 46-47).

Таким образом, социальные смысловые механизмы организуют коммуникации, причем это достигается путем «повторного входа», когда система преднамеренно вводит себя в состояние выбора – колебаний между позитивно и негативно оцениваемым – с целью исчислить резервы приспособления к непредсказуемым состояниям. Столкновение с неопределенным будущим и расположение в виде актуального наличного состояния предшествующих «выборков» (результатов выбора) при этом столкновении полагается в качестве смысла.

«Если исходить из всеобщего теоретического образца «аутопойезиса», – замечает Н. Луман, – то изначальная предпосланность смысла ни в коей мере не противоречит тому, что смысл порождается в сети тех операций, которым он также непременно предшествует. Напротив, своеобразие медиума смысла является необходимым коррелятом операционной замкнутости познающих систем. Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется – не раньше и не позже. Поэтому смысл – это продукт операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира, обязанное своим происхождением какому-либо творению, учреждению или источнику. Поэтому не существует никакой идеальности, отделенной от реальности фактического переживания и процесса коммуникации (Луман, 2004: 45).

Применительно к специфической форме смысла, а именно, к дифференции актуальности и потенциальности, согласно комментариям Ю.А. Антоновского, все это означает, что смысл становится пригодным для операций лишь посредством «повторного ввода» формы в форму. Внутренняя сторона формы должна уметь воспринять этот «повторный ввод». Различие моментальной актуальности и открытой возможности должно само оказаться в актуальном распоряжении сознания и/или коммуникации. Нужно уметь видеть уже во всей актуальности то, как возможно пересечение (crossing) этой границы и то, какие следующие шаги принимаются во внимание. Это не означает, что «немаркированное пространство» «всего возможного» может исчезнуть в «маркированном пространстве» актуально обозначенного. Ведь оно конституирует актуальное как раз благодаря тому, что переступает через него. Определенные возможности все-таки могут постигаться актуально и получать обозначение, а также предварительно ориентировать это пересечение границы актуального и потенциального; правда, лишь так, чтобы последующее понимание этих возможностей осуществлялось в виде актуальной операции и тем самым по-новому конституировало дифференцию актуальности и потенциальности, то есть смысл. Следовательно, то есть посредством «повторного входа» формы в форму, смысл превращается в медиум, непрерывно регенерирующий самого себя для непрерывного отбора определенных форм.

При этом «повторный вход» формы в формы (предполагающий, что «немаркированное пространство всего возможного» конституирует актуальное, переступая через него) обуславливает дискурсивную дифференциацию общества, в котором каждый сегмент – дискурс – обретает некую коммуникативную автономию, за счет которой колебания между позитивно и негативно оцениваемым в одном сегменте не приводят к неразрешимым противоречиям в других дискурсах и во всей системе в целом. Автономные системы – это сложные объединения, заданные сетью взаимодействий компонентов, которые (1) посредством своих взаимодействий рекурсивно регенерируют производящую их сеть взаимодействий, и (2) реализуют сеть как единство в пространстве, в котором компоненты существуют, конституируя и определяя границы объединения подобно вырезы из фона...»(Varela, 1981: 15).

В дискурс-дифференцированном обществе язык уже является медиумом понимания в силу разобщения – дифференциации социальных систем общения и, как следствие, дифференциации речевых практик (дискурсов). Однако в силу своего «разобщающего характера», по мнению комментирующего Н. Лумана Ю.А. Антоновского, язык остается средством социальной интеграции, поскольку грамматика языка оставляет открытым будущее, не определяет содержание коммуникативных вкладов. Язык имеет рыхлую, жестко не определенную структуру, будучи тотальностью, совокупностью слабо связанных элементов. Именно в силу своей несвязности и нестрогости язык делает возможным общество и общение в нем. При этом язык как таковой остается когнитивно недоступным, благодаря чему он является неизменным медиумом общения.

Когнитивный подход общепринято подходит к этому сотрудничеству как к «поучительным взаимодействиям» (Maturana, 1978: 240), в которых «получатель» принимает состояние, определенное состоянием отправителя, как передаваемое через «сообщение». Данная точка зрения на язык концентрируется на «денотативной системе символических коммуникаций, состоящей из слов, которые обозначают

сущности без области, в которой эти сущности могут существовать» (Maturana, 1978: 50). Этот подход, как полагает Р. Витакер, пропускает тот факт, что «обозначение ... требует соглашения – консенсуса о спецификации значащего и обозначенного» (Maturana, 1978: 52).

Таким образом, рыхлость, структурная нежесткость языка мотивирована принципами его осуществления, которые, в конечном итоге, определяются передаваемым отправителем через «сообщение» состоянием. Актуальными становятся единицы коммуникации, обозначающие субстанции, явления, предметы без области, в которой эти субстанции, явления, предметы могут существовать.

«Кроме того, часто не учитывают, что такой аспект, как бинарное кодирование языка, важен не меньше, чем артефактичность, сгущенность, укрепленность и символическое употребление знаков языка. Всякая коммуникация открывает первую возможность ее принятия или отклонения. Всякий (кондесированный и подтвержденный) смысл может быть выражен в Да-редакции и Нет-редакции. В этом-то и состоит уязвимость обсуждаемой далее темы. Но подобное устройство коммуникации значимо как форма структурного сопряжения и, вероятно, именно поэтому-то и возникло. Ведь язык как бифуркация коммуникативного кода открывает сознанию возможность выбора той или другой стороны формы. С этим минимумом степеней свободы оно может ускользать от детерминации со стороны коммуникативного процесса и переходить к (для него самого непрозрачной) самодетерминации. Оно говорит да или нет в силу причин, которые нельзя узнать; оно принимает или отклоняет, поддерживает или блокирует дальнейший ход коммуникации; и все это происходит коммуникативно понятным образом, на основании мотивов, которые как для самого сознания, так и для других могут оставаться непостижимыми, а потому не играть в коммуникации никакой тематической роли (или же играть, но только в виде исключения). Эта универсальная ситуация навязывается кодом языка, независимо от слов, тем, мотивов и контекстов. Она обнаруживается повсеместно и в каждое мгновение. В этой форме она являет собой неизбежное условие структурного сопряжения при различных типах аутопопозиса. То обстоятельство, что системы коммуникации сопряжены с системами сознания посредством языка аналогично тому, как и системы сознания сопрягаются с коммуникационными системами, влечет за собой чрезвычайно значимые следствия для структурного выстраивания соответствующих систем, а значит, для их эволюции» (Луман, 2004: 117-118).

Язык понимается в качестве «системы абстрактных элементов», безразличной к формам ее выражения: речевым практикам, речевым актам, – а значит тождественный обществу как таковому, обществу как суммы всех возможных коммуникаций. Для Матураны язык представляет собой архетипную иллюстрацию человеческой согласованной области. Исходя из принципов структурного детерминизма и структурного сопряжения, он разрабатывает модель осуществления языка – деятельности, в которой, участники направляют друг друга относительно самих себя и некоего предмета. В разговорных дискуссиях интерперсональная коммуникация обычно представляется как «передача по трубам» «информации» между участниками разговора. Данная точка зрения предполагает, как утверждает Р. Витакер, что «информация» является квантовым товаром, и сдвигает точку зрения от

взаимодействующих сторон к предполагаемому сотрудничеству в этом тварном пространстве.

Автопоэтическое видение языка не сводится к пониманию языка как способа кодирования символов, посредством которого взаимодействующие сцепляются. Разнообразие языка зависит с необходимостью как от разнообразия типов поведения, которые могут генерироваться, так и от разнообразия организмов, которые участвуют в согласованной области Р. Р. Витакер обращает внимание на то, что автопоэтическая модель, освобождая взаимодействие от лексической ссылки и грамматического исполнения, неявно разрешает все способы невербального или экстра-вербального сигнализирования.

Соединяя лингвистическое взаимодействие со структурным сопряжением, контекст обозначения (определения значения) объединяется с контекстом взаимодействия. Это объединение «обосновывает» контекст индивидуального опыта и в свою очередь объединяет два смысла «контекста» – решающий фактор лингвистического «значения» и релевантность ситуационного фона.

Язык, с учетом всего означенного, обладает особым трансформационным потенциалом, который А.Ю. Антоновский, анализируя позицию Н. Лумана, связывает с такими свойствами языка как (Антоновский, 2006: 314): 1) пассивный принцип или своего рода материал или вещество (hyle); 2) абстрактная тотальность, медиум, безразличный к своим формам; 3) фон или горизонт как своего рода пространство, которое само по себе не способно принимать никакую конфигурацию, пока в нем не «проступит» форма; 4) потенциал или горизонт возможностей повседневно – остается всегда равным себе; 5) слова языка обладают устойчивостью, подобной устойчивости генов; лишь сочетания слов и формы подвержены трансформациям; 6) язык как тотальность применяется всеми дифференцированными подсистемами общества и не обязан следовать логике социальной дифференциации.

Особо подчеркивается отношение между языком и текстом, Это отношение между аморфным медиумом и его упорядоченным выражением или конфигурацией. При этом способы упорядочивания языка и факторы генезиса текстов, или, иначе говоря, ориентиры общения собственно и выступают индикаторами социальной дифференциации.

Краеугольным камнем теории дифференциации социальных систем и конструктивистской теории познания выступает логика различий Дж. Спенсера-Брауна, в которой единственной операцией является различение, разделяющее изначально немаркированное пространство на внутреннее «пространство» и его внешний мир. А.Ю. Антоновский обращает внимание на то, что лишь различение делает возможным обозначение той или иной реалии: то, что отграничено, пребывает «внутри» становится основанием дальнейших интенций, коммуникаций и переживаний (т.е. подсоединяющихся отграничений). Все, не попавшее в сферу обсуждения, есть мир, горизонт, набор возможных, но не состоявшихся в будущем коммуникативных актов и ментальных состояний. Основную роль играет само различение, потому что именно оно является единственной и последней «онтологической» реальностью.

Процесс порождения одним различием другого различия, или различения различий можно предстает в теории Н. Лумана, по мнению А.Ю. Антоновского, в качестве процесса порождения реальности, объектов, отличных, от того, чем они являются. Соответственно, следует признать границы и различения единственной реальностью, а различенные стороны полагать артефактами различения, входящими внутрь самой границы. Применительно к обществу такими границами (= формами) выступают самоограничивающиеся от остального общества системы специфических коммуникаций, некоторые из которых (и в первую очередь, система науки) способны не просто существовать как обособленные последовательности операций, но в ходе своих коммуникаций задаваться вопросом о собственной ограниченности. Именно в этом заключается существо ге-entry: введения внешнего мира в круг собственного дискурса как типичной только для этой системы коммуникации речевой практики. Система не является внешним миром, но «втягивает» его внутрь себя, что именуется в теории Н. Лумана инореференцией.

Самопонимание себя как границы или как разграничения между чужим и своим следует рассматривать как самореференцию. В этом случае система может концентрироваться на характере протекания коммуникации, на том, какие средства дискурса (например, на различении истина/ложь в языке науки, на различение прекрасное/безобразное в эстетическом дискурсе) она задействует.

Обособление способа кодирования вербальной коммуникации ведет к обособлению системы. Эволюция общества и эволюция языка, в сущности, оказываются равнозначными понятиями, в связи с чем единственной возможностью описать социальную дифференциацию становится дифференциация текстов и наиболее общих способов их составления, причем каждая обособившаяся подсистема общества, как полагает Н. Луман, представляет собой обособившийся дискурс или речевую практику со своими собственными способами их порождения (кодами). При этом производство или составление текстов можно понимать как ориентацию на социально значимые коды или языковые медиумы общения: истину, прекрасное, деньги, власть, любовь, веру, право, здоровье и т.д. Это и есть факторы генезиса текстов, причем являющиеся самоценными, самовалидными «собственными значениями».

Связность современного общества, таким образом, оформляется за счет самопонимания общества себя как границы, возможно, предположить между миром физическим и миром ментальных состояний, а также миром абстрактных сущностей, в понимании этих миров К. Поппером (Поппер, 2002: 134). Собственные, самовалидные значения вырабатываются в области облака ассоциативного размывания, «языком общения» в котором является язык мозга, или язык сознания. В подобном обществе иной становится система семантического оформления рефлексии социального организма, ориентированная тем, что смысл, порождаемый совокупностью наблюдателей общества как аутоэтической системы должен быть пригоден для операций лишь посредством «повторного ввода» формы в форму. Внутренняя сторона формы, в качестве которой выступает все та же совокупность наблюдателей, должна уметь воспринять этот «повторный ввод»: различие моментальной актуальности и открытой возможности оказывается в распоряжении сознания и коммуникации. Система внедряет внешний мир в себя, изменяя

представление о принципах причинно-следственных отношений и логико-эволюционных основаниях общества человека сегодняшнего дня.

Re-entry, или введение внешнего мира в круг собственного дискурса как типичной только для этой системы коммуникации речевой практики, предполагает исследование в широком смысле речевых практик – правил порождения текстов, способствующих воспроизведению формы общества как аутопоэтической системы взаимодействий компонентов, которые посредством своих взаимодействий рекурсивно регенерируют производящую их сеть взаимодействий, или механизмов коннективности.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Антоновский, 2006 Антоновский А.Ю. Общество как общение и разобщение // Луман Н. «Дифференциация». М. Логос, 2006.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/forlit/pages/Biblioteka_Benjamin.htm
3. Бурдые П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007
4. Гаврилова Т. Извлечение знаний: лингвистический аспект // EnterprisePartner, №10(27), 29 мая 2001. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hr_portal.ru/article/izvelechenie-znani-lingvisticheskii-aspekt
5. Галкин Д.В. Бинарный язык и виртуальный дискурс: к философии цифровой культуры. Открытый междисциплинарный электронный журнал «Гуманитарная информатика». Выпуск 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://huminf.tsurgu/e-jurnal/magazine/2/galkin.htm>
6. Гумбольдт, 1984] Гумбольдт В. Избранные работы по языкознанию М., 1984.
7. Друкер, 2001 Друкер Питер Ф. Задачи менеджмента в XXI веке, М., «Вильямс», 2001.
8. Луман, 2004, 2007 Луман Н. «Дифференциация». М. Логос, 2006.
9. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб, 2007.
10. Поль де Ман. Слепота и прозрение. Статьи о риторике современной критики / Blindness & Insight. Essays in the Rhetoric of Contemporary Criticism. М., 2002.
11. Москалев, 2002], Москалев И.Е. Концепция аутопоэзиса в современном научном познании. Автореф. дисс. ... на соискание уч. степени к.ф.н. М., 2002.
12. Поппер, 2002 Поппер К. Объективная эпистемология. Эволюционный подход. М., 2002.
13. Редозубов <http://adoutbrain.ru> Редозубов А.А. Цветные эмоции холодного разума // <http://adoutbrain.ru>
14. Соссюр, 2006 Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 2006.
15. Heim M. Virtual Realism. New York: Oxford University Press, 1998
16. Jakobsson M. A Virtual Realist Primer to Virtual World Design. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mheim.com/files/virtualrealistprimer.pdf>
17. Maturana H. Cognition, in Hejl, Kock, and Roth (eds.), Wahrnehmung und Kommunikation, Frankfurt: Lang, 1978, pp. 29-49.
18. Maturana H. The organization of the living: A theory of the living organization, International Journal of Man-Machine Studies, Vol. 7 (1975), pp.313-322.
19. Maturana H. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument// The Irish Journal of Psychology , Vol. 9 (1988), no. 1, pp. 25-82.

20. Maturana H., Varela F. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Boston Studies in the Philosophy of Science [Cohen, Robert S., and Marx W. Wartofsky (eds.)], Vol. 42, Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980.

21. Poster, 1990 Poster M. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge: Polity Press, 1990.

22. Varela F. *Autonomy and autopoiesis*, in Roth, Gerhard, and Helmut Schwegler (eds.) *Self-organizing Systems: An Interdisciplinary Approach*, Frankfurt/New York: Campus Verlag, 1981, pp. 14-23.

23. Varela F. *Principles of Biological Autonomy*, New York: Elsevier (North Holland), 1979.

BIBLIOGRAPHY:

1. Antonovskiy, 2006 Antonovskiy A.Yu. *Obtshchivakobtheieirazobtheie // Luman N. «Differenciaciya». M. Logos, 2006.*

2. Benjyamin V. *Proizvedenietskustva v ehpokhu ego tekhnicheskoyvospriizvodimosti*. [Ehlektronnihyjresurs]. Rezhimostupa: http://www.philol.msu.ru/forlit/pages/Biblioteka_Benjamin.htm

3. Burdje P. *Sociologiyasocialjnogoprostranstva*. M., SPb., 2007

4. Gavrilova T. *Izvechenieznaniy: lingvisticheskiyaspekt // Enterprise Partner, №10(27), 29 maya 2001*. [Ehlektronnihyjresurs]. Rezhimostupa: http://www.hr_portal.ru/article/izvechenie-znaniy-lingvisticheskii-aspekt

5. Galkin D.V. *Binarnihyjyazihkivirtualjnihyjdiskurs: k filosoficifrovoyjkljturiih. Otkrihtiymzhdisciplinarihyjehlektronnihyjzhurnal «Gumanitarnayainformatika». Vihpusk 2*. [Ehlektronnihyjresurs]. Rezhimostupa: <http://huminf.tsuru/e-jurnal/magazine/2/galkin.htm>

6. Gumboljdt, 1984] Gumboljdt V. *Izbranniherabotihpoyazihkoznaniyu M.*, 1984.

7. Druker, 2001DrukerPiter F. *Zadachimenedzhmenta v XXI veke*, M., «Viljyams», 2001.

8. Luman, 2004, 2007 Luman N. «Differenciaciya». M. Logos, 2006.

9. Luman N. *Socialjnihesistemih. Ocherkobtheyjteorii*. SPb, 2007.

10. Polj de Man. *Slepotaiprozrenie. Statji o ritorikesovremennojkritiki / Blindness & Insight. Esseys in the Rhetoric of Contemporary Criticism*. M., 2002.

11. Moskalev, 2002], Moskalev I.E. *Koncepciyaavtopoehzisa v sovremennomnauchnompoznanii. Avtoref. diss. ... nasoiskanieuch. stepenik.f.n. M.*, 2002.

12. Popper, 2002 Popper K. *Objektivnayaehpistemologiya. Ehvolucionnihyjpodkhod*. M., 2002.

13. Redozubov <http://adoutbrain.ru> Redozubov A.A. *Cvetniheehmociikhologodnogorazuma // http://adoutbrain.ru*

14. Sossyur, 2006 SossyurF. *Kursobshejlingvistiki*. M., 2006.

15. Heim M. *Virtual Realism*. New York: Oxford University Press, 1998

16. Jakobsson M. A Virtual Realist Primer to Virtual World Design. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.mheim.com/files/virtual realist primer.pdf](http://www.mheim.com/files/virtual%20realist%20primer.pdf)
17. Maturana H. Cognition, in Hejl, Kock, and Roth (eds.), *Wahrnehmung und Kommunikation*, Frankfurt: Lang, 1978, pp. 29-49.
18. Maturana H. The organization of the living: A theory of the living organization, *International Journal of Man-Machine Studies*, Vol. 7 (1975), pp.313-322.
19. Maturana H. Reality: The search for objectivity or the quest for a compelling argument// *The Irish Journal of Psychology* , Vol. 9 (1988), no. 1, pp. 25-82.
20. Maturana H., Varela F. *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Boston Studies in the Philosophy of Science [Cohen, Robert S., and Marx W. Wartofsky (eds.)], Vol. 42, Dordecht: D. Reidel Publishing Co., 1980.
21. Poster, 1990 Poster M. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge: Polity Press, 1990.
22. Varela F. Autonomy and autopoiesis, in Roth, Gerhard, and Helmut Schwegler (eds.) *Self-organizing Systems: An Interdisciplinary Approach*, Frankfurt/New York: Campus Verlag, 1981, pp. 14-23.
23. Varela F. *Principles of Biological Autonomy*, New York: Elsevier (North Holland), 1979.